

ГЛАВА 1

Дрезина, пыхтя двигателем, медленно проехала мимо, оставляя над железнодорожным полотном шлейф запаха бензина и моторного масла. Сырость ночного сентябрьского леса, казалось, впитывала эти запахи железной дороги, раздражая, заставляя ненавидеть врага еще сильнее. Тяжелое низкое пасмурное небо давило, хотя во тьме ночи его было не видно. Оно ощущалось. Еще давила тишина. Зловещая, почти могильная тишина, когда не слышно ни шелеста листвы, ни птичьих голосов, ни лая собак. Только тишина и хриплое дыхание лежащего рядом товарища.

Сколько уже было позади таких операций, когда приходилось вот так лежать и ждать сигнала. Целиком обращать в слух, чтобы не пропустить свист дозорного. И тогда надо вскочить и бежать к железнодорожному полотну. И забывать обо всем, потому что время пойдет не на минуты, а на секунды. Саперной лопаткой вы-

рыть в щебне под рельсом ямку, обдирая руки и ломая ногти. Потому что лопатка скользит по камню, и зачастую быстрее выгребать щебень именно руками. А потом заложить взрывчатку, вставить детонаторы и бежать назад. И можно не успеть, можно нарваться на немецкий патруль, и тогда заканчивать работу и бежать назад придется под пулями. Товарищи будут прикрывать, но все равно будут потери. Сколько уже соратников осталось лежать на полотне! Нельзя помогать раненым, нельзя трогать убитых. Нужно бежать и успеть взорвать полотно. Таков приказ Родины. Раненых уносить тогда, когда заложен заряд и вставлен детонатор.

Иван Васьков воевал в партизанском отряде уже два года. Обычный сельский милиционер, он до последнего помогал эвакуировать предприятия, партийные и государственные архивы. А сейчас прикрывал вместе с остатками какой-то роты последнюю колонну, удерживая хлипкий деревянный мосток. Пальцы совсем онемели. Иван разжал руку, поняв, что слишком сильно стиснул упаковку со взрывчаткой. Он пошевелил пальцами, разминая кисть, и тут раздался протяжный свист дозорного. Вперед!

Мишутка Панин сидел на толстой ветке тополя, росшего в десятке метров от полотна. Отсюда железную дорогу было видно в обе стороны

почти на километр. Хотя ночью можно было и не разглядеть дрезину, если она поедет с выключенными фарами. Или пеший патруль, если он пойдет без фонариков. Но у четырнадцатилетнего мальчишки был зоркий глаз и острый слух. И партизаны доверяли ему, как самим себе. Замерев и вжавшись в ствол дерева, Мишутка дождался, пока проедет мотодрезина с автоматчиками. Ему было страшно. А вдруг заметят — и тогда очередями снимут его, как глухаря. Он испытывал страх, но и злорадство. Ведь не видят, и много раз не видели и не догадывались гитлеровцы, что дозорный под самым носом, вон на дереве притаился.

Потом ответный свист, и мальчик буквально слетел с дерева, упав в жесткую сухую траву. Топая ботинками по камням, он перебежал через полотно и очутился в руках Ивана.

— Молодец, Мишка! — с шумом выдохнул бывший милиционер. — Дуй к лесу, мы взрываем.

И снова, как и в прошлый раз, небо осветилось яркой вспышкой и по ушам больно ударило взрывной волной. Земля вздрогнула под ногами, как от боли. Мишутка схватился за голову, но продолжал бежать. Он не слышал топота ног других партизан, его немного оглушило близким взрывом, но он знал, что сегодня операция про-

шла удачно, что все бегут назад за ним следом. Получите, проклятые фашисты, развороченное в трех местах железнодорожное полотно! Не успевает враг чинить железную дорогу, не успевает перебрасывать военные грузы и войска. По всей прифронтовой полосе сейчас гремят взрывы: это партизаны по единому плану командования одновременно рвут рельсы и мосты, пускают под откос составы, партизаны многих отрядов и соединений. «Рельсовая война» идет в тылу у гитлеровских войск!

Голос Верховного главнокомандующего был спокойным, даже вкрадчивым. Но от этого голоса рука генерала Пономаренко сделалась влажной. И ему пришлось сильнее сжимать телефонную трубку, чтобы та, не дай бог, не выскочила из ладони. Пропустить что-то из слов Сталина было бы катастрофой.

— Как вы лично считаете, товарищ Пономаренко, результаты «Рельсовой войны» удовлетворительны? Это те результаты, которых мы ожидали, когда в марте решили восстановить Центральный штаб партизанского движения?

— Так точно, товарищ Сталин, — стараясь говорить бодро и уверенно, заявил Пономаренко. — Как мы и планировали, партизанские бригады одновременно начали взрывать железнодо-

рожное полотно и составы почти на всем протяжении прифронтовой полосы и тактических тылов фашистских войск. По нашим сведениям, немецкое командование бросило дополнительные силы армии на охрану железной дороги, мостов, станций. Подразделения выделены из резервных частей, а также частей, которые подлежали отправке на передовую. Одновременные действия партизанских отрядов вынудили гитлеровцев попытаться наладить подвоз рельсов из Польши, Чехословакии. Они, товарищ Сталин, даже разбирают пути, чтобы из двухпутных участков сделать однопутные и таким образом не уменьшать пропускную способность железной дороги.

— И все же вы просили Ставку провести вторую фазу этой операции? Значит, успех не был достигнут в нужном объеме?

— Так точно, товарищ Сталин! — Пономаренко переглянулся с полковником Корнеевым и полез в карман кителя за носовым платком. — Второй фазы требует обстановка на фронте. Командиры частей и соединений ощутили пользу от нашей операции. Но были и недочеты, товарищ Сталин. Нам не всегда удавалось в полной мере обеспечивать партизанские отряды взрывчаткой и опытными инструкторами-взрывниками.

— Вам удалось, товарищ Пономаренко, парализовать железнодорожные перевозки в тылу у фашистов?

— В значительной мере, товарищ Сталин, в значительной мере! Мы постоянно поддерживаем связь с командованием армий и фронтов. К нам поступает информация о срывах переброски резервов врага на некоторые участки фронтов.

— Большие потери, товарищ Пономаренко? — вопрос прозвучал уже со строгой интонацией.

— Большие, товарищ Сталин, — честно признался Пантелеймон Кондратьевич. — Немцы усиливают охрану железной дороги, проводят карательные операции.

— Ответьте мне еще на один вопрос. Вы просчитывали ущерб и последствия для нас от операций «Рельсовая война» и «Концерт» для Красной Армии, для Советского Союза? Нам ведь эти дороги восстанавливать нужно. Нашей армии придется наступать, и в полосе ее наступления окажутся разрушенные железнодорожные пути и мосты. Как говорят в народе, «овчинка стоит выделки»?

— Война, товарищ Сталин, — чувствуя угрозу в словах главнокомандующего, обреченно заявил Пономаренко. — Жертвы неизбежны. Весь

народ, не щадя жизни, сражается с врагом. С нечеловеческим напряжением всех сил.

В трубке слышались короткие гудки. Пантелеймон Кондратьевич осторожно, будто боясь повредить телефон, опустил трубку на аппарат. Хотелось облегченно шумно выдохнуть, но он этого не сделал. Этот разговор мог закончиться чем угодно, в том числе и обвинением лично его, Пономаренко, в плохой организации операции, которую, кстати, предложила именно Ставка. А может, и в измене Родине. Впрочем, еще неизвестно, что будет в дальнейшем. Но Сталин сейчас задал вопросы, которые не раз обсуждались в Штабе партизанского движения и в разговоре с командующими фронтами и армиями. Ведь всем предстояло наступать, предстояло перебрасывать огромные силы на большие расстояния, проводить перегруппировку войск, маневрировать резервами. Как опытный руководитель, Пономаренко понимал, что взорванные пути, недостаток рельсов скажутся и на послевоенном восстановлении хозяйства. Все, что нещадно разрушено войной, предстояло восстанавливать. Но до этого еще нужно было дожить. Дожить, победить врага, изгнать остатки его полчищ со своей земли. Когда это будет... Как это будет...

Полковник Корнеев, отвечающий в Штабе партизанского движения за разведку, понима-

юще покивал. Бремя ответственности на войне нести тяжело. Тяжело от понимания, что твои приказы, твои решения приводят к гибели десятков, сотен и тысяч людей. Чем выше твоя должность, тем больше твоя личная ответственность за жизни огромного количества солдат и командиров. Ты посылаешь их в бой, посылаешь на смерть, и сколько погибнет советских людей, зависит от тебя. Тяжело сознавать, что погибшие будут обязательно потому, что это война. Но еще тяжелее понимать, что одна твоя ошибка может привести к гибели еще сотни и тысячи людей, которые могли бы жить и сражаться дальше. И у них есть семьи: жены, дети. Или нет семей, и теперь уже никогда не будет, не родятся дети. Через это понимание тоже нужно пройти, перешагнуть, заглушить его в себе, иначе не сможешь командовать. Главное, помнить всегда, что это люди.

— Верховный недоволен? — спросил Корнеев.

— Мне кажется, что он сам не принял для себя окончательного решения и ищет ответы в наших головах, — недовольно ответил Пономаренко. — Вот только как быть тем, кто окажется не союзником, а противником его мыслей. Не я один принимал решения, не мне одному их принимать и дальше. Ладно, сейчас не об этом ду-

мать нужно. Что у вас, Тарас Федотович? С чем вы пришли?

— Нужно активизировать разведку, Пантелеймон Кондратьевич. Силы партизан ограничены, и возможности тоже. Мы с вами прекрасно понимаем всю сложность партизанского движения и его возможности. Массовость — это огромный плюс, но вот умения и навыки не всегда отвечают тем потребностям, которые мы имеем. В руководстве НКВД, к счастью, это тоже понимают. И довольно активно идет заброска в тылы фашистов подготовленных групп, которые призваны возглавлять, координировать действия стихийных партизанских отрядов. Обучать и привлекать их к своим операциям. Но для нас важны даже не столько активные боевые действия партизан, сколько их умение вести разведку. Квалифицированно и толково оценивать факты, умение их добывать.

— Что вы хотите этим сказать?

— Важно выявить перемещение специализированных подразделений вермахта, которые используются для восстановления железнодорожных путей и мостов. Важно зафиксировать и оценить объемы переброски рельсов и шпал к местам ремонта железной дороги. Немцы не могут одновременно всюду восстанавливать поврежденные участки полотна. Им важнее в нужном

месте иметь готовые пути для переброски резервов. А это значит, что подвозка и хранение большого количества рельсов и шпал в определенном месте говорит о подготовке к передислокации или контрнаступлению вражеских войск на том или ином участке фронта. Нам нужно выходить на командование соединениями Красной Армии и просить помощи. Взрывать могут и партизаны, а вот добывать информацию, тем более в условиях, когда уничтожаются целые населенные пункты в местах важных транспортных узлов или в полосе предстоящего наступления, могут только подготовленные люди. Нужен приказ Ставки, который бы обязывал командование оказывать нам эту помощь.

Лейтенант Соколов открыл люк и уселся в нем, подставляя лицо свежему, душистому сентябрьскому воздуху. Хотелось расправить плечи, потянуться от долгого сидения в тесной танковой башне, рассчитанной на двух человек: наводчика и заряжающего. Но как быть командиру взвода, командиру роты, которые непосредственно идут в бой вместе со своими подразделениями? А командовать ротой и одновременно искать цели, стрелять из орудия немислимо сложно. Или ты будешь подбивать немецкие танки, или командовать подразделением. Совмещать эти вещи не-

возможно. А танк на поле боя, который не стреляет, будет подбит через пять минут. В лучшем случае. Командиры полков и дивизий, которые имеют тоже свои командирские машины, могут позволить не иметь наводчика, могут позволить себе использовать командирскую машину именно как передвижной бронированный командный пункт, но для взводного и ротного — это непозволительная роскошь. Смертельная роскошь. Вот и приходится при первой же возможности при поступлении новой техники выбирать машины с башнями нижнетагильского производства, которые были чуть больше и на которых устанавливались отечественные экспериментальные или немецкие трофейные командирские башенки с перископом, позволяющим вести круговой обзор. И втискиваться за спину наводчика, чтобы твоя машина могла защищаться в бою, а ты этим боем руководить. И все танкисты понимали, что промышленность не имеет пока возможности разрабатывать и производить еще и командирские танки, рассчитанные на трех человек в башне. Понимали и сами искали выход из такого положения.

Соколов обернулся на пленного немецкого офицера, лежавшего со связанными руками за башней, и молодого автоматчика из десантного батальона. Комбат приказал лейтенанту, сносно